

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ БОЛГАР СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ В 50-Е – 60-Е ГГ. XX ВЕКА

Мария Пачева

В докладе делается попытка реконструкции повседневной жизни болгарского села Северного Приазовья в 50-е – 60-е гг. прошлого века. На примере послевоенного поколения прослеживается трансформация быта этнических болгар названного региона.

Ключевые слова: болгары Северного Приазовья, болгарская диаспора, история повседневности

В доклада е направен опит за реконструкция на всекидневния живот на българското село от Северното Приазовие през 50-те – 60-те г. на миналия век. Чрез образа на следвоенното поколение се проследява трансформацията на бита на етническите българи от названия регион.

Ключови думи: българи от Северното Приазовие, българска диаспора, история на всекидневието

In the report attempts of reconstruction of everyday life of the Bulgarian village of Northern Priazovye in the 50th – the 60th of the last century. On the example of post-war generation transformation of life of ethnic Bulgarians of the called region is traced.

Key words: Bulgarians of Northern Priazovye, Bulgarian diaspora, daily occurrence history

История повседневности является одним из современных направлений в исторической науке, которое сформировалось сравнительно недавно, а именно во второй половине XX в. История повседневности изучает повседневную жизнь большинства людей, их быт, труд и отдых. «Главными героями» истории повседневности являются не государственные деятели и другие знаменитости, а обычные люди. Их жизнь – также часть истории, но долгие годы она оставалась в тени.

Целью данной работы является исследование повседневности болгарских сёл Северного Приазовья в 50–60-е гг. XX в. Основным источником для исследования послужили устные нарративы болгар Северного Приазовья. Часть из них

собраны и опубликованы запорожскими и мелитопольскими историками (Устная история 2009). Часть собрана непосредственно автором статьи в ходе интервьюирования болгар, проживающих ныне в г. Мелитополе, осуществлённого в 2011–2014 гг. (Большакова), (Косяченко), (Пачева В.), (Пачев И.).

Часть вопросов, затронутых респондентами, охватывает жилище – его строительство и интерьер. Как правило, основным материалом для строительства дома оставался саман. Изготавливался он таким образом: глину замешивали с песком, соломой и половой, полученной смесью набивали деревянные формочки, переворачивали и оставляли сушиться. Время высыхания самана зависит от погоды, поэтому его необходимо было заготавливать заранее, где-то за год до начала строительства:

В этом году сделали саман, высох он, всё, потом сложили его, [...] снаружи обмазали глиной вот так, с соломой, сверху накрыли чем-то до следующего года (Пачев И.).

Нередко для помощи в изготовлении самана приглашались родственники и друзья. Этот обычай назывался «миджия». После окончания работы хозяин угощал помощников (Пачев И.).

Интерьер дома к этому времени уже имел мало общего с традиционной болгарской обстановкой. Респонденты связывают это с голодом 1946–1947 гг., поскольку многие, чтобы выжить, были вынуждены обменивать вещи домашнего обихода на продукты: «Когда был голод, видно мама всё сменяла» (Косяченко).

В качестве топлива поначалу использовались, преимущественно, отходы сельскохозяйственного производства:

Солома, курай (перекотиполе). Кукурузные палки высыхали. Из подсолнуха палки высыхали. Кизяки собирали. А уже потом на зиму, уже 50-е годы, [...] уже уголь появлялся, но тяжело было его достать (Косяченко).

В начале исследуемого периода электричество в большинстве болгарских сел отсутствовало. Для освещения использовались керосиновые лампы: «Лампы были у нас. Керосиновые. Восьмилинейная, десятилинейная, двенадцати» (Пачев И.).

Но постепенно в села проводили электричество. В Преславе свет появился в начале 60-х. У людей стала появляться первая бытовая техника: телевизоры,

холодильники и т.д. «В 61-м году появились телевизоры, свет начали проводить» (Устная история 2009: 103). Впрочем, в некоторых селах свет появился раньше:

Там и до войны свет был, в Коларовке! И в 50-е годы, проводили, были дизель-моторы! Ну я знаю, что люди проводили себе, платили деньги и проводили! (Устная история 2009: 211).

Домашнее хозяйство мало отличалось от нынешнего. Держали коров, коз, овец, свиней, кроликов, кур, гусей, уток. Как отмечает респондент И. Пачев, личных овец колхозников в с. Ботиево держали в общем колхозном сарае:

Колхозный сарай, они там находились. А взамен молоко давали. Если тебе надо, вот допустим овцу на мясо, ты идешь забираешь, она твоя, конечно. Записано, сколько штук, всё. Их доили, там делали брынзу, и давали. На одну овцу сколько там брынзы полагается, иди получай (Пачев И.).

По воспоминаниям некоторых респондентов, кроликов держали не в клетках, а в яме:

А еще кролики были в сарае, как ото подвал сделан, лаз такой, яма. Они сами себе уже норки делают. Мы их не трогали, только когда надо зарезать там или ещё что (Пачев И.).

На огороде выращивали такие культуры, как картофель, морковь, буряк, перец, помидоры, синий баклажан, дыни, арбузы, лук, чеснок, мак, рапс, кукурузу и т.д.

Гороху тогда много сеяли, не так, как сейчас. Особо картошка у нас не родила, и не было ее. Так горох вместо картошки был (Пачева В.).

Пшеницу, выращенную в колхозе, выдавали колхозникам на трудодни¹ в качестве зарплаты. Но её не хватало, поэтому многие выращивали пшеницу на огороде: «Зерно ещё хорошо не давали. Мы так, например, сеяли огород, пшеницей засевали» (Пачева В.).

¹ Трудодень – мера учёта и оценки количества и качества выполненной работы колхозниками, практиковавшееся в СССР в 1930–1966 г.

До 1953 г. сельские жители (в том числе и многие болгарские семьи) были вынуждены платить высокие налоги, что отрицательно сказывалось на благосостоянии семей:

Коровы нет, там поросёнка нет, а сдавай. Ну не сдаёшь, значит деньгами оплачиваешь. Мяса нет – значит платишь деньгами. Яйца, всё это... Всё надо (Пачев И.),

А если мяса не имеешь своего сдать, значит кто-то корову сдает, и идешь сорок килограммов плотишь. Я тому человеку деньги за сорок килограммов мяса, чтоб шло государству. В счет себя (Устная история 2009: 145),

Ходили описывали. Фруктовые деревья если будут, они тебе уже... Зимой приходят, яблоня, значит всё, столько-то сдать яблоч. А может в этом году не будет там абрикос или чего, а они уже пишут. Попробуй не сдай. Нет, значит плати деньги (Пачев И.).

Лишь в августе 1953 г. была проведена реформа, вследствие которой налог стал исчисляться не согласно количеству доходов, а с площади (с каждой сотой гектара) приусадебной земли. Кроме того, ставка обложения была невысокой, поэтому налог перестал быть обременительным для сельских жителей (Энциклопедия Сибири).

Традиционная болгарская одежда в данный период уже почти не встречалась:

А национального никто не носил, потому что его не было. Люди, у кого было, все поменяли в 47-м году еще, когда голодовка была (Пачева В.).

Впрочем, в Степановке Второй невесты перед свадьбой должны были носить специальный головной убор:

Единственное, что я помню, то, что одевались невесты, которые засватанные. Они на голову одевали такое головное убранство – кистец. [...] А потом ещё одевались приближенно к национальной одежде, когда приглашали на свадьбу (Косяченко).

Поскольку в магазинах выбор одежды был небольшой, ее приходилось шить у портных или самостоятельно:

Портной у нас был, дедушка. [...] Он мне пальто шил. Дешевле было, чем купить что (Пачев И.).

Мама очень хорошо шила. Она именно этим и зарабатывала так. [...] Мама обшивала всех. В основном, в селе. Ото поедет, наберет, и ей платили продуктами, не деньгами, а продуктами (Большакова).

М. Большакова описывает повседневную одежду своей тети, проживавшей в с. Степановке Второй:

Тетю Дусю я не видела в веселых таких, ну, светлых [одеждах]. У нее всё темные такие, типа сарафанов у нее. [...] Лиф и присобраная, эта, юбка длинная. И обязательный атрибут – фартук (Большакова).

В отличие от одежды и интерьера, национальная болгарская кухня в болгарских сёлах Приазовья сохранялась практически повсеместно. М. Косяченко перечисляет названия блюд, которые готовила ее мама:

Ихния, картофель, зеле с орис, зеле с булгур, булки, милина, тиквенник (Косяченко).

В. Пачева упоминает также мамалай:

Кукурузная мука и расколачивают, а потом в формы. Оно спекается, и получают... Как пирог получалось. Только без сахара (Пачева В.).

Из алкогольных напитков употребляли, в основном, домашнее вино.

В основном люди делали вино. Вот у кого есть виноград, делали виноградное (Пачева В.).

Варили также и самогон из буряка, но его приготовление преследовалось по закону (Указ Президиума ВС СССР от 07.04.48):

Даже вот Марины Петровны дедушка сидел в тюрьме за это, за самогонку. Вернее, должен был жениться его сын [...] и они готовились к свадьбе. И они ж знали, что раз свадьба будет, значит, самогонка будет. И они там его закопали в огороде, и они нашли, это уже после войны. Это где-то пятидесятые (Пачева В.).

Отдельные воспоминания касаются работы в колхозе. В. Пачева отмечает строгость трудовой дисциплины в колхозе:

Раньше в колхозе нельзя было пропускать. Это так разве, если кто заболел, отпустили (Пачева В.).

Если колхозник по какой-либо причине сам не мог прийти на работу, кто-то должен был его подменить:

Например, я ходила все время за маму, когда она заболит, или, там, хлеб ей надо было спечь, я шла за нее на работу (Пачева В.).

Ещё в 56-м, еще очень много зерна получили. Ну оно было, правда, дешевое [...] За бесценнок продавали люди (Пачева В.).

Некоторые воспоминания содержат информацию об условиях и порядке работы в колхозе. Например, В. Николаева вспоминает о своей работе в качестве звеньевой:

У нас было четыре звена в бригаде. [...] А бригад было шесть. [...] Я должна была утром выйти и наряд получить, и пойти раздать своим рабочим. [...] Я вместе с ними и на прополку, и на молотьбу. [Отвечали за то, сколько сделали], конечно ж, отвечала. А как же. Каждое утро мы рассказывали бригадиру, шо то-то и то-то мы сделали (Устная история 2009: 288).

Сохранились также сведения и о соревнованиях между бригадами:

Бригада с бригадой соревновались. Кто побыстрее прополку проведёт, ... кто быстрее уборочные закончит (Устная история 2009: 289).

Кроме трудовых будней, в жизни колхозников существовали и праздники:

День молодежи. День урожая. У нас, например, в Гирсовке, День урожая всегда справляли возле лимана [...] А когда справляли? Уже после урожая, когда уберут урожай. Где-то в конце августа [...] Туда привозили конфеты, печенье [...] А потом некоторым колхозникам выдавали деньги (Пачева В.).

К работам в колхозе подключали и школьников. Чаще всего им приходилось полоть, рвать сорняки, а также обрабатывать хлопок. М. Косяченко вспоминает:

У меня отец [...] работал хлопководом. Значит, в Запорожской области, начиная с 33-го года и по 53-й [...], у нас обрабатывали хлопок [...]. И нас, учеников, подключали на обработку хлопка Школа закрывалась полностью (Косяченко).

И. Пачев рассказывает о своей работе в ученической бригаде:

В 9-м классе создали ученическую бригаду. Я в той бригаде работал. И мы поехали, всё там... А потом нас повезли в Москву, на 10 дней [...] питались там, конечно, за свои деньги, [...]. И это у нас 22 человека учеников. Колхоз отвез нас, машину дал, накрыли брезентом. Это заработали. Ну ещё и трудодни там писали (Пачев И.).

Бывало также, что дети работали в колхозе по собственной инициативе, с целью помощи старшим членам семьи:

А в поле, я говорю, я не ходил. Но помогал. Сестра работала... Она ряд возьмет, и я, допустим, ряд. Ну, она уже себе запишет два ряда. Трудодни писали (Пачев И.).

Поскольку родители часто были заняты в колхозе, то значительную часть работы по дому приходилось выполнять детям:

У себя возле дома 50 сотых огорода. Его нужно было вскопать, посеять, потом урожай снять, все прибрать. Все это, в основном, дети делали, подростки. Потому что родителям некогда было (Пачева В.).

Обязательно у нас были поручения какие-то, по дому, по хозяйству. [...] Мы должны нарвать 2 мешка травы корове, иначе ж молока не будет, если мы не нарвем. [...] Масло сбивали сами. Мама уходит на работу. Вот сметана, вот до вечера чтоб сбили масло (Косяченко).

Согласно воспоминаниям отдельных респондентов, многие дети также занимались охотой на сусликов, шкурки которых можно было обменять на продукты:

Ну, раньше сильно много бегали эти, суслики. Брат мой... Братья. Ваня, Коля. Они ходили, ловили этих сусликов, и шкурки снимали, и сдавали. Вот на эти шкурки давали сахар. Муку белую давали на эти шкурки. А что делали с этих шкурок, я даже не знаю. [...] Я несколько раз ходила вместе с братьями. Суслик...

Смотришь: бежит. Раз – и в норку забежал. И вот это в эту норку наливали воды. И они выходили (Пачева В.).

Значительную часть устных нарративов составляют «школьные воспоминания». Многие респонденты утверждают, что учились в две смены (вероятно, из-за нехватки учебных помещений). Языком обучения был русский, но ученики на переменах общались, в основном, на болгарском:

У нас разговаривали по-болгарски, учителя ругали сильно. А мы не обращали внимания [...] Ну только когда на уроке, так разговаривали по-русски (Пачева В.).

Исключения составляли сёла со значительным процентом неболгарского населения (например, с. Ботиево), где дети не только на уроках, но и в личном общении между собой говорили по-русски (Пачев И.).

Перечень школьных предметов мало отличался от нынешних:

Арифметика. Алгебра, геометрия, тригонометрия отдельно. Биологии не было, была зоология, сразу ботаника, зоология, а потом дарвинизм, [...] анатомия, физиология человека. [...] астрономия в 10-м классе. Английский с 5-го класса (Пачев И.).

Согласно воспоминаниям М. Косяченко, учеников обучали и земледелию:

Мы в свое время, когда стали в шестых классах [...] занимались земледелием. Показывали нам, как обрабатывается, как копать, как сеять, как сажать, как полоть, всё это мы обрабатывали сами. Это просто как уроки были (Косяченко).

Несмотря на строгую дисциплину, шалости на уроках были обычным явлением: «Списывали, [...] шпаргалки, на руках писали. С резиночки стреляли» (Пачев И.). В. Пачева среди шалостей называет стрельбу из трубочки буряком или картошкой:

У нас были ручки, раньше были такие железные, с одной стороны карандаш, с другой стороны перо. Оно вытаскивается, а там получается как трубочка. И вот это вот, буряк возьмут. Отколупают, а с другой стороны палкой (Пачева В.).

Бывали и драки, и дёрганье за косы и т.п.

По словам М. Косяченко, несмотря на всё это, отношения между учениками были товарищескими, царил дух взаимовыручки: «Видно, родители нас так наставляли, вот, и мы помогали друг другу» (Косяченко).

Учебников не всегда хватало и, случалось, выдавали один учебник на двоих или троих, и нужно было как-то скооперироваться:

Чтобы можно было всем успеть подготовиться к уроку, кто-то читал, а кто-то писал, я даже переписывала это, параграф один, два или сколько, для того чтобы книгу можно было передать другим учащимся (Косяченко).

И. Пачев утверждает, что поначалу (т.е. начало 50-х гг.) трудно было и с тетрадами, но их, как правило, хватало. Писали школьники деревянными ручками с железным пером:

Обыкновенная деревянная ручка. Там наконечник такой, вставляешь перо, вмокаешь и пишешь. А потом уже ручки вот эти наливные появились, авторучки. Ну, их в старших классах разрешали, а до пятого, до шестого не разрешали. И не каждый мог купить ещё. Не по карману (Пачев И.).

По поводу внешнего вида учеников респонденты отмечают, что ношение формы в сельской школе не было принято. В то же время в городской школе форма была: «Когда я уже сюда переехала, в город, здесь уже школьная форма была, и строго требовали, чтоб в школьной форме ходили. А в селе – нет» (Косяченко).

Неуспевающих учеников, как правило, оставляли на второй год:

Раньше двоечников оставляли на второй год. И на третий, бывало, оставляли. А в 10-м классе, вот если в 10-м классе ты не успевающий, тебя не оставляют на второй год, а просто ты не учишься год. Потом имеешь право на следующий год сдать экзамены с теми, которые были в 9-м классе (Пачев И.).

Воспоминания о школьных торжествах весьма скудные. Первого звонка респонденты не помнят. М. Косяченко вспоминает линейку в честь последнего звонка в 6-м классе, а И. Пачев и В. Пачева – новогоднюю ёлку, на которую лепили игрушки сами ученики.

Несмотря на занятость учёбой и работой, дети находили время и для игр. М. Косяченко описывает игры «челик», «ашик» и «курлю»:

Ну, для мальчиков игра называется «челик». Значит, в земле делается вот такая ямочка, сюда вкладывается такая веточка, а игрок, у него большая палка, он дол-

жен эту палочку поддеть и отбросить ее, и чем дальше эта палочка отлетит, тем больше он выигрывает. А девочки играли в «ашик» [...]. Или на аршици [...] А потом какая-то была игра, бегали по всему селу, прятались. Почему-то эта игра называлась «курлю». И это кричали то в одном конце, то в другом конце, и одна команда ищет другую команду (Косяченко).

В. Пачева и И. Пачев называют такие игры, как «платочек», футбол, «войнушки», прятки, а также «гилка»:

Одна команда, здесь стоят и здесь. Это одна команда. Ты должен перебросить [мяч]. А тут бегают с другой команды. И ты должен перебросить своим. А эти стараются перехватить, те, что в центре. Вот если поймают, значит, те становятся, ловят (Пачев И.).

Молодежь, как правило, по выходным ходила в клуб:

Там кино, а после кино – танцы, обязательно. Света не было. А кино было. Мотор. Такой движок, моторчик. Там был моторист, специальный человек. Он вырабатывал как-то электричество и показывал кино (Пачева В.).

За исследуемый период происходила смена руководителей страны и политического курса. Многие респонденты высказывают субъективное отношение к политическим деятелям.

Смерть Сталина люди воспринимали по-разному:

Говорят, что Сталин умер... Значит, всех собирали в центр, как митинг! Ну, одни плакали, есть, даже, а большинство так, ни смеялись и не тосковали! (Устная история 2009: 385).

К десталинизации и развенчанию культа личности, в целом, относились равнодушно:

Не обращали внимания. Особо такого ничего не делалось в селе. Ну, простой народ... Я не знаю, там, где руководители были, там, где председатель. А между простыми людьми такого не было (Пачева В.).

Собственно, как десталинизацию... Не говорили, что вот Сталин – враг народа, ну просто перегибы были, культ личности, все. У многих репрессированы были родственники. Стали бумаги приходить, что они не виноваты (Пачев И.).

Отношение к Хрущеву и его политике было скорее отрицательным, чем положительным:

Ну да, он тем помог, которые еще живые остались в лагерях. А вот это в хозяйственных делах он то совнархозы делает. В одной области два первых секретаря обкома. Тот по сельскому хозяйству, тот по этому... А бывает же такая область, надо стыковаться, каждый на себя... (Пачев И.).

Везде сеяли только одну кукурузу. Пшеницы особо не... Этим он подорвал сильно сельское хозяйство (Пачева В.).

Хотя существует и противоположное мнение: «Начали сеять кукурузу, стало хорошо! Люди хозяйствовали» (Устная история 2009: 211).

Наиболее положительно характеризуют респонденты период правления Брежнева:

Это при Брежневе мы жили лучше всего [...] Деньги давали, хлеб давали, жили люди позажиточней (Устная история 2009: 103).

Впрочем, респонденты отмечают и отдельные недостатки этого периода, например, дефицит:

При Брежневе тоже хорошо было! Все дешевое было! Брала все, но мало было в магазинах! [...] Дефицит был, особенно на одежду! А чего тот дефицит был, кто его знает! Все было дешевое, но очереди кругом, пока постоишь в очереди и не захочется! (Устная история 2009: 211).

В целом, отношения между односельчанами были хорошими. Воровство было редкостью:

Ну, было небольшое воровство. Кто-то кому-то залезет в сад, пацаны. Было такое. Ну в колхоз тоже мотались иногда там. Залезут в сад, поворуют себе ножичко, накрадут. Ну, в основном, так вот у людей, друг у друга не воровали. [...] И не замыкали как-то, дом особо не замыкали» (Пачева В.).

Один из респондентов описывает единичный случай воровства:

Воровали. Нас обворовали. Одна там переселенка [...] Ну, сильно много не было, пальто там, жакет... Платье там, по-моему. И всё (Пачев И.).

Отношение к представителям другой национальности также было толерантным, конфликтов на национальной почве не было:

[У нас и отношения в селе, болгары с русскими] нормальные! [...] Когда мы были в Коларовке, там хорошие люди были, нормальные, для меня не было никакого различия! А здесь тоже различия нету, все общаются! (Устная история 2009: 209).

Заключались и межнациональные браки: «Мой родной брат женился на русской женщине» (Устная история 2009: 286).

Языком внутрисемейного общения в большинстве сел являлся болгарский:

Так они там, в этом селе, они все разговаривали только на болгарском, и дети, и взрослые. Там русского языка не услышишь» (Большакова). В. Пачева утверждает, что в с. Гирсовка болгарский язык знали не только болгары, но и представители других национальностей: «А у нас и русские, и украинцы – все понимали болгарский язык. А дети вообще разговаривали (Пачева В.).

В то же время в с. Ботиево болгарская речь в общественной жизни практически не употреблялась:

У нас не было такого, что б преобладали болгары. [...] Там где-то наполовину были русские, украинцы. И на улице разговаривали по-русски, потому что один – болгарин, другой – русский, третий – кто-то там еще (Пачев И.).

Большинство семей старались соблюдать болгарские традиции, в частности, свадебные:

Свадьба без хоро не проходила. [...] Там начиналась свадьба в субботу. [...] Невесту... Приходят со стороны жениха, заплетают (Пачева В.).

В. Гогунская описывает свадьбу своей сестры (в 1967 г.), происходившую согласно болгарским традициям (Устная история 2009: 407).

Соблюдались и религиозные праздники, даже не смотря на запреты государства:

Мы во втором классе, девчонки, ходили на Лазаров ден. А на следующий день мы пришли в школу, нас вызвали к директору, отругали, потом родителей ругали. А после Лазарова дня, а тут Пасха. На следующий день, после Пасхи, у нас

руки проверяли [...] – пальцы крашенные или некрашенные от яиц, ели мы крашенные яйца или не ели (Косяченко).

Некоторые семьи продолжали соблюдать традиции даже после переезда из села в город. Например, М. Большакова вспоминает, как отмечался старый Новый год в ее семье, проживающей в городе:

На старый Новый год обычно пекли вот это мелину с късмет. [...] Ну вот это закладывает она, печет, и вот набирает горох, фасоль, копейка, и назначает сама, горох кому попадетса – это богатство, фасоль попадетса – это значит любовь (Большакова).

Старшее поколение еще помнило многие народные песни, но молодежь, к сожалению, уже практически не знала их: «Папа пел, это «Хаджи Димитр» и «Тежко, тежко, вино дайте» на стихи Христо Ботева. А мама пела такие, жизненные [...] «Разболял се млад Стоян, млад Стоян, млад войвода» (Косяченко), «А мы, в то время, молодежь, особо и не знали никаких болгарских песен. Ну, так, слышали на свадьбе» (Пачева В.).

Таким образом, как мы видим, в этот период в повседневной жизни болгарского села Северного Приазовья произошли весьма заметные изменения. Тяжелые военные и послевоенные годы остались в прошлом. В 1953 г. произошла налоговая реформа, уменьшившая количество налогов. Появление электричества в селах значительно облегчило жизнь. В селах стала появляться первая бытовая техника. В 1966 г. вместо трудодней вводилась гарантированная оплата труда колхозников, включая право на дополнительную оплату и премию.

Вместе с тем происходило постепенное забвение болгарского языка, культуры и традиций. Было много причин этого явления. Представители старшего поколения, которые были носителями традиций, умирали, а молодежь, как правило, не слишком интересовалась сохранением культурного наследия. Постепенно менялся национальный состав сел вследствие притока неболгарского населения. Русификация в школах также способствовала забвению языка. Негативно сказалась на сохранении традиций и антирелигиозная политика государства, поскольку празднование религиозных праздников запрещалось. Репрессии второй половины 40-х годов заставили часть болгар скрывать свою национальность. А национальная одежда и предметы домашнего обихода исчезли еще раньше, во время войны и послевоенного голода. Тем не менее, болгары сохраняли память о своих корнях, что стало базой для возрождения болгарской культуры в 90-х гг. XX века.

Библиография

- Большакова:* Интервью с Большаковой (Маслинка) Марией Константиновной, 1939 г. р., записано автором.
- Косяченко:* Интервью с Косяченко (Попазовой) Марией Дмитриевной, 1942 г. р., записано автором.
- Пачев И.:* Интервью с Пачевым Иваном Ивановичем, 1944 г. р., записано автором.
- Пачева В.:* Интервью с Пачевой (Греджевой) Валентиной Федоровной, 1940 г. р., записано автором.
- Указ Президиума ВС СССР 1948:* Указ Президиума Верховного совета СССР от 7 апреля 1948 года
- Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона [Интернет] Петербургский правовой портал. [цитиран от 30.01.15]. Available from: <<http://ppt.ru/newstext.phtml?id=45647>>.
- Устная история 2009:* Усна історія Степової України. Т. 6. Запоріжжя: АА Тандем, 2009, 464 с.
- Энциклопедия Сибири:* Сельскохозяйственный налог [Интернет] Энциклопедия Сибири. [цитиран от 30.01.2015]. Available from: <<http://russiasib.ru/selskoxozyajstvennyj-nalog/>>.